

Этери Басария

◆
**ДЫДЫН
И МЫДЫН**

Этери Басария

ДЫДЫН И МЫДЫН

СКАЗКИ

Для младшего школьного возраста

Рисунки
ВИКТОРА БОКОВНИ

Киев «Вясёлка» 1988

ББК 84Р7—44

Б 27

*Поучительные сказки, написанные
на основе абхазского фольклора,
о братьях-хвастунах Дыдыне и Мыдыне,
Еже-Хитреце и драчуне утёнке
по имени Мойпапакоршуназаклевал.*

Рецензент
ГЕОРГИЙ ПОЧЕПЦОВ

Б $\frac{4803010201-160}{M206(04)-88}$ КУ—№ 9—79—1988

ISBN 5-301-00116-7

© Издательство «Вэсэлка», 1988

ДЫДЫН И МЫДЫН

В одном селе жили двое молодцев: Дыдын и Мыдын. Очень уж хотелось им прославиться. Да так, чтобы песню о них сложили или даже две. И чтобы пели все, как поют песни о народных героях Напха Къагуе и Кяхба Хаджарате. Да только — вот беда! — не могли никак придумать, как добыть эту славу. Целыми днями Дыдын и Мыдын просиживали под инжировым деревом у себя во дворе и ломали головы, но ничего на ум не приходило.

— Лучше бы в лес за вязанкой хвороста сходили, — говорила им мать.

Но они её не слушали, считали, что есть дела поважнее.

— Э-э-х, разленились драконы, чтобы им пусто было! — пожаловался однажды Дыдын.

— Правильно делают! — заметил Мыдын. — Раз в конце сказки всё равно голову отрубят, зачем стараться?

— Дурень! Разве не знаешь, если Дракон поселяется близ деревни и начинает пожирать людей, то кто-нибудь на своей кляче рано или поздно наезжает на него и протыкает копьём?

— Я же говорю: не сносить Дракону головы...

— Ты не о Драконе думай, а о нас! — рассердился Дыдын.

— А что о нас? — не понял бестолковый Мыдын.

— Раз какой-нибудь хвостун на своей кляче может сразить Дракона, то мы вдвоём с десятком могли бы справиться! Мы-то настоящие герои! Только вот Дракона не хватает. Иначе проткнули бы мы его копьём. И нас за это на руках носили бы. До конца жизни! А сейчас что? Табак полоть гонят, чай собирать... А так на руках носили бы...

— На руках... — размечтался Мыдын.

— Клянусь собственной умной головой, я придумал, что делать! — вскричал Дыдын.

— Что? — встрепенулся Мыдын.

— Раз Дракон не знает дороги к нашему селу, мы сами его отыщем и сразим!

— Может, все драконы давным-давно передохли, — сказал Мыдын. — Давненько о них не слышать.

Не было у него ни малейшего желания ехать на поиски Дракона. Он хотел дождаться славы, сидя в тени под инжировым деревом. Но Дыдын вывел из сарая мотоцикл. Предложил Мыдыну оседлать багажник, и, недолго думая, оба напрямиком отправились добывать славу в сражении с Драконом.

Ехали они, ехали, заехали в густой лес, а тут им навстречу выскакивает перепуганный Козлёнок.

— Если вы люди, спасите меня! — кричит Козлёнок. — За мной Волк гонится. Я отбился от своих девятерых братьев. Иначе мы бы показали Волку! В нашем роду перед недругом не принято отступать. Только я отбился. Плохо, когда отбиваешься от братьев.

— Петь можешь? — спросил Дыдын.

— Н-е-ет, — признался Козлёнок. — В нашем роду никто не пробовал выбиться в певцы, в вожаки отары — это да, в певцы — н-е-ет.

— Что толку тебя спасать, раз ты песню не можешь сложить, — фыркнул Дыдын.

— А вы так спасите, без толка...

— Делать нечего! — сказал Дыдын.

— Нашёл дурачков за Козлёнка заступаться! — хмыкнул Мыдын. Из-за дерева выскочил огромный Волк. Он за деревом притаился и подслушивал, заступятся они за Козлёнка или нет.

— Нет у тебя защиты, я тебя и слопаю!

Волк заклацал зубами. Но вдруг на весь лес прокатился рёв, и Козлёнка загородил большущий Медведь.

— Кто в моём лесу маленьких обижает?! — заревел Медведь. — Кто позволил маленьких обижать?!

— Я шучу, уважаемый Миша, — завилял хвостом Волк. — Я шутки люблю...

— Хороши шутки! Ребёнок вон весь дрожит.

Медведь лапой погладил по голове Козлёнка и ласково сказал ему:

— Твои братья пасутся на просеке возле пасеки. Беги к ним и больше не отбивайся.

— Спасибо,— мекнул Козлёнок и бросился бежать.

Волк печально смотрел ему вслед:

— Такой молодой, так быстро бегают...

— И ты беги! — велел Медведь.— Только в другую сторону. Увижу ещё раз, что маленьких обижаешь,— загоню в волчью яму.

Волк попятился и скрылся за деревьями.

— Волк — он и есть Волк,— сказал Медведь Дыдыну и Мыдыну.— У него такая профессия... Но вы вроде люди, а за Козлёнка не заступились. Стыдно, ох, как стыдно.

Он покачал головой и ушёл в глубь леса.

— Подумаешь, Медведь косолапый, а уму учит,— фыркнул Дыдын.

— Вперё-ёд на поиски Дракона!

Они и поехали. Выехали на узкую тропу и едва не наткнулись на Дрозда, который чуть не бросился под колёса, моля о помощи.

— Нахалы! Разве мы «скорая помощь»? — закричал Дыдын, обернувшись к Мыдыну.— Зачем к нам пристают? Этому помоги, того выручи!

— Но дрозды — птицы певчие! — напомнил Мыдын.

Дыдын остановил мотоцикл.

— Петь умеешь?

— Спасите птенца,— стал просить Дрозд.— Он из гнезда выпал. Вон, под Ясенем сидит, сидеть умеет, летать ещё не научился. Он грохота вашей машины испугался и вывалился из гнезда. Помогите!

— Мы спрашиваем, петь умеешь?

— Не-е-т,— грустно признался Дрозд.— Я тот самый Дрозд, из сказки, которого Ястреб клюнул по голове. И я все сто своих песен забыл...

— Выходит, поднимем мы птенца или нет, Дрозд о нас не запоёт,— сказал Дыдын.

— Не запоёт,— подтвердил Мыдын.

— Так зачем же мы останавливались? — удивился Дыдын.

— Ошиблись,— уточнил Мыдын.

Тут ясеневое дерево зашелестело всеми листьями, потом закричало, дерево было старое, трудно нагибаться, и опустило к земле свои ветки, птенец по ветке вскарабкался в гнездо. Счастливый Дрозд летал вокруг Ясеня, радовался, благодарил:

— Спасибо тебе, добрый Ясень! Я всегда тебя уважал, добрый Ясень, потому взял и свил на твоей ветке гнездо, славный Ясень!

— Полоумный Дрозд,— сказал Дыдын Мыдыну.— Расхваливает Ясень. А что он такого сделал? Птенца поднял? Дел-то. Можно подумать, Дракона сразил.

— Дерево есть дерево, дрозд есть дрозд, что с них возьмёшь,— вздохнул Мыдын.

— Поехали! — скомандовал Дыдын, и они помчались по тропе.

За ними летела Сорока и оповещала лес, перекрывая пронзительным стрекотом грохот мотора:

— Смотрите, смотрите, птицы и звери! На Дыдына и Мыдына смотрите и смейтесь над ними, смейтесь! Они Козлёнку не помогли, они Дрозду не помогли! Они и Пятнистому Кабану не помогут. Пятнистый Кабан попал в капкан. В капкан — Кабан! Они не помогут, нет, не помогут. А может, помогут?

— О Кабана ещё руки марать,— сказал Дыдын.

— Он же только хрюкать умеет... — заметил Мыдын.

— Свернём на другую тропу,— предложил Дыдын.— А то Кабан ещё канючить начнёт: спасите да спасите.

— Смотрите, звери! Смотрите, птицы! На Дыдына смотрите! На Мыдына смотрите! — стрекотала Сорока.— Козлёнку не помогли! Дрозду не помогли! Кабану помочь не хотят! Смейтесь над ними! Громко смейтесь! Кабану Добрый Дракон поможет. Мирный Дракон его спасёт! Добрый Дракон!

— Стоп! — крикнул сам себе Дыдын.

— Надумал помочь Кабану? — удивился Мыдын.

— Слышал, что Сорока прострекотала?

— А, ещё не хватало Сороку слушать.

— Когда она нас ругает, ты её не слушай. Но когда говорит про Дракона — другое дело. Останавливаем мотоцикл! Прислушаемся!

Так они и сделали. И услышали, как радовалась Сорока:

— У меня радостная весть! Звери и птицы! Слушайте радостную весть. Добрый Дракон освободил Пятнистого Кабана. Счастливый Кабан благодарит Доброго Дракона! Порадуемся за Кабана. Посмеёмся над Дыдыном и Мыдыном! И на этот раз обошлись без них! Без них! Пока в лесу живёт Дракон, он всех выручит из беды!

— Зарежем твоего Дракона! — крикнул Сороке Дыдын.

— Спящим зарежем! — подтвердил Мыдын. — И прославимся. А ты будешь завидовать, несчастная Сорока!

— Не смейте трогать Дракона. Он — Добрый Дракон. Один-единственный в мире Добрый Дракон.

Д. ДРАКОН
ЗВОНИТЬ 2 РАЗА

— Науке известны только злые Драконы! — важно заявил Дыдын.

— И мы ему голову отсечём! — добавил Мыдын.

— Он триста лет живёт в этом лесу, а вы ему голову отсечёте?

— Это хорошо, что он дряхлый, — сказал Дыдын.

— Запросто с ним справимся! — подтвердил Мыдын.

— Я лечу к нему, я предупрежу, чтобы он не засыпал... — застрекотала Сорока.

— Лети, лети, всё равно добудем шкуру вашего Дракона. И песню о нас сложат, как о храбрецах, сразивших Дракона!

— Будем лежать и песню о себе слушать! — радостно завопил Мыдын. — Работать не станем! Ни-ког-да!

Сорока, тревожно стрекоча, полетела к Доброму Дракону с недобрыми вестями.

Дракон сидел возле своей пещеры вместе со спасённым Пятнистым Кабаном и угощал его жёлудями.

Это был необыкновенный Дракон. Правда, с виду он был дракон как дракон. Зато сердце у него было золотое. Никто в лесу не видел его сердца. Оно ведь у него внутри глубоко запрятано, но все знали: сердце у Дракона из чистого золота. Потому что только драконы с золотым сердцем едят лишь жёлуди и травки да выручают всех из беды.

Сорока налетела, стрекоча, как швейная машинка, и выпалила свою новость.

— Я им задам! — расвирепел Пятнистый Кабан. — Как смеют обижать моего лучшего друга!

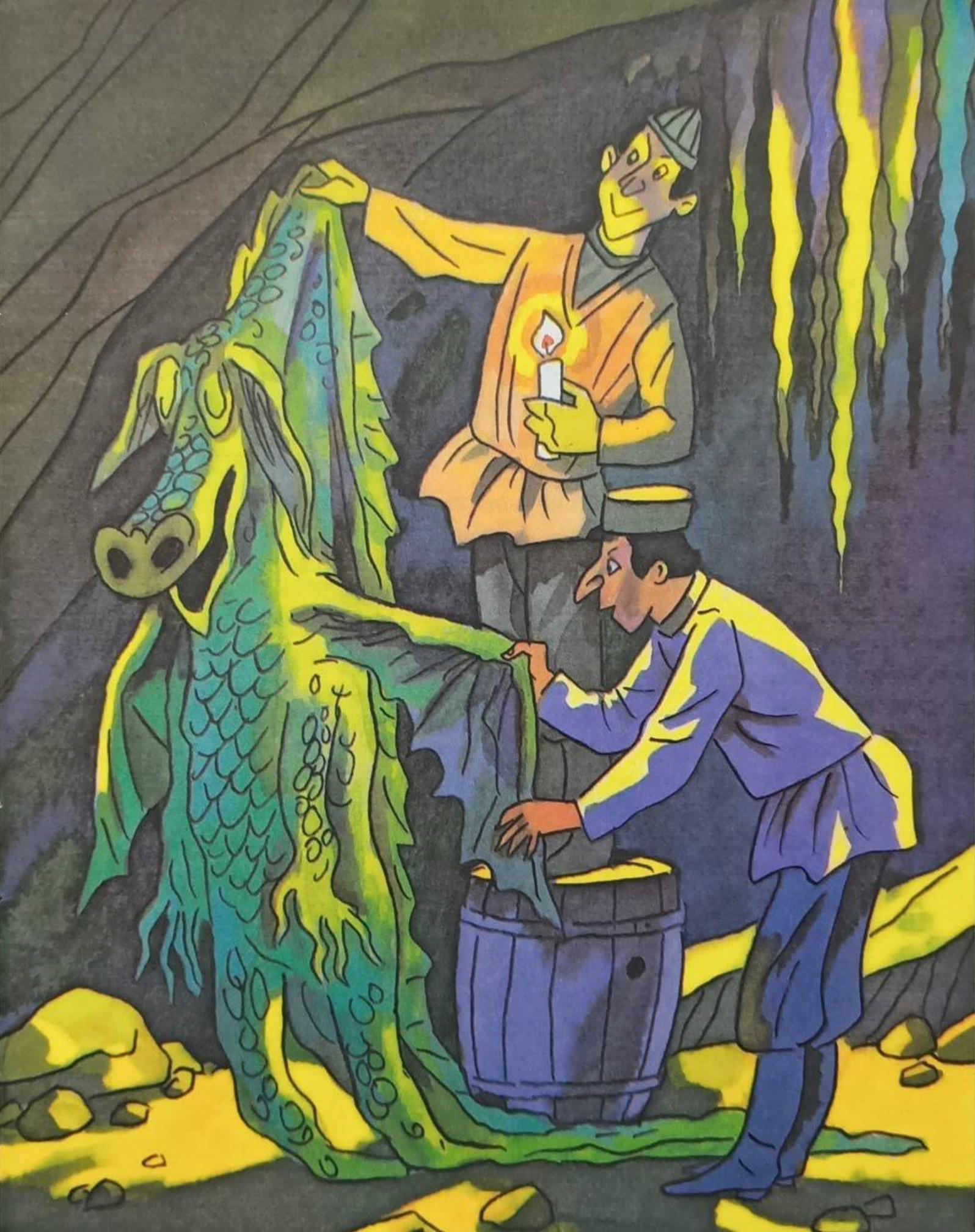
— погоди, — сказал Дракон. — Не сердись. Когда люди рвутся к славе, они глупеют. Их легко обвести вокруг пальца. Мы сделаем вот что...

И Дракон, щуря свои драконьи, но очень добрые глаза, что-то зашептал на ухо Пятнистому Кабану.

— О чём вы шепчетесь? Скажите мне... — застрекотала Сорока. — Самый добрый из всех драконов Дракон, скажи мне...

— Не расхваливай меня, — попросил Дракон.

— Он очень скромный, — сказал Пятнистый Кабан. — А про наш

разговор ты узнаешь завтра. Ведь ты, Сорока, тайн хранить не умеешь...

— Не умею,— печально согласилась Сорока.

А Дыдын и Мыдын не один час подбадривали друг друга, прежде чем идти к драконьей пещере. Они ведь вовсе не были такими храбрецами, какими хотели казаться другим.

— Сорока болтала, что Дракон добрый,— храбрясь, сказал Дыдын.

— А может, она врёт?— буркнул Мыдын.

Дыдын и Мыдын всегда опасались, как бы их не провели, и поэтому старались раньше обмануть сами.

Когда Дыдын и Мыдын, подталкивая друг друга, приблизились к пещере, они увидели: у входа белеет бумажка и на ней что-то написано.

Они испуганно переглянулись и остановились. Но потом рассудили: бумага — это не Дракон, можно и поближе подойти.

На цыпочках они подошли к пещере и по слогам прочитали:

«У-шёл в дру-гой лес. На-все-гда! Дра-кон».

— Ух, содрал бы я с него шкуру!— вмиг расхрабрился Дыдын, прочитав бумажку.— Зачем он только не попал мне в руки, а?

— Я сам содрал бы с него шкуру! — закричал Мыдын.

— Давай войдём в пещеру,— предложил Дыдын.— Я могу даже первым войти!

Он храбро вступил в пустую пещеру. За ним шагнул и Мыдын.

В пещере они нашли шкуру Дракона. Вначале попятились, потом сообразили: шкура-то одна, без Дракона, и успокоились. Шкура была прошлогодняя. Дракон каждой весной менял шкуру, оставаясь при этом прежним добрым Драконом.

— Вот чудеса! — поразился Мыдын.

— Мы на пороге славы! — вскричал более сообразительный Дыдын, хватая в охапку шкуру Дракона.

— Как? — не понял Мыдын.

— Но ведь Дракон ушёл,— сказал Дыдын.

— Навсегда,— подтвердил Мыдын.

— А шкура его в наших руках?

— В наших!

— Все равно, с Драконом она или без Дракона, но шкура-то в наших руках. Мы вроде убили Дракона. Его больше нет в лесу, а шкура в наших руках!

— Ого-го-го, храбрецы мы из храбрецов, о райда-райда... Герои мы из героев, о райда-сиуарайда, ого-го-го... — запел Мыдын.

— О райда-райда, ог-ог-го... — подхватил Дыдын.

Дыдын и Мыдын вернулись в село с драконьей шкурой и хвастали, что сто пик сломали, десять мечей затупили, пока с Драконом справились. Но почему-то никто им не верил, а верили мальчишкам, кричавшим на всех перекрёстках, что шкура невсамделишная, что Дыдын и Мыдын выменяли её в цирке у фокусника на запасное колесо от мотоцикла.

Дыдын и Мыдын ждали и ждали, что песню о них сложат, но так и не дождались...

Дракон же на следующий день вернулся в свою пещеру — он к Пятнистому Кабану ходил погостить. И до сих пор живёт в пещере. По воскресеньям звери и птицы собираются у пещеры повеселиться. Вспомнив о Дыдыне и Мыдыне, они покатываются со смеху и хвалят Дракона, что он ловко провёл хвастунов.

ДРАЧУН

На одном птичьем дворе жил утёнок — страшный драчун. Он не всегда был такой. Но как-то на птичий двор упал коршун. Подстреленный. Его подстрелил меткий стрелок — синишка птичницы. А подстрелил он коршуна потому, что не было от него покоя птичьему двору: то утёнка утащит, то цыплёнка, а то гусёнка схватит. Подстреленный коршун упал прямо перед селезнем Лиловая Шея. Селезень не знал, что коршун уже мёртвый, сильно перепугался и с испугу клюнул коршуна. Тут-то и обнаружилось, что коршун мёртвый. Все куры, утки, гуси — все-все обитатели птичьего двора слетелись к коршуну и селезню и давай кудахтать, гоготать, кричать, что Лиловая Шея заклевал коршуна. Птицы так долго кудахтали, крякали и гоготали, что и сам селезень поверил в то, что он заклевал коршуна. Но селезень Лиловая Шея был скромным селезнем и не стал задирать носа. Зато его синишка загордился, стал носиться по всему двору и во весь клюв кричать: «Мой папа коршуна заклевал!» Если же какой-нибудь цыплёнок, индюшонок или утёнок удивлялся: «А ты чего воображаешь? Ты-то при чём?», он сразу бросался в драку с криком:

— Я клевучий! Заклюю! Мой папа коршуна заклевал, и я тебя за-
клюю!

Насмешливые гусята так и называли утёнка — «Мойпапакоршу-
назаклевал».

А старый Индюк однажды подозвал к себе утёнка Мойпапакоршу-
назаклевал и, со свистом втягивая воздух, дрожа длинным хоботком,
рассказал утёнку историю, услышанную от людей: как досталось од-
ному мальчику, вздумавшему хвастать отцовской буркой. Но утёнок
Мойпапакоршуназаклевал не стал до конца слушать рассказы ста-
рого медлительного индюка и убежал. Весь птичий двор ахнул и под-
нял гомон, удивляясь невоспитанности и нахальству утёнка. Самый
последний утёнок на птичьем дворе — был и такой, звали его За-
морыш, — и тот ни за что не удрал бы, не дослушав до конца старых
птиц. А Мойпапакоршуназаклевал убежал, и когда цыплята стали
стыдить его, он одного цыплёнка едва до крови не заклевал.

— Может, его в школу отдать? — спросил селезень старого Индю-
ка.

— Ума маловато, в школу такого не возьмут, — сказал старый Ин-
дюк. — Он и в школе драться будет.

— Я и без школы обойдусь, — закричал Мойпапакоршуназакле-
вал. — Мой папа коршуна заклевал! Мне учиться не надо!

— Уходи от нас! — сердито сказала одна из гусынь. — Ты пор-
тишь моих гусят!

— Уходи, — сказали и индюки.

— Куд-куда он пойдёт? — закудахтали курицы. — Узнают дру-
гие птичьи дворы, какой хвастунишка вырос на нашем дворе, стыд-
но будет показаться им на глаза. Лучше пусть живёт дома.

Утки виновато молчали. Им было стыдно, что Мойпапакоршуна-
заклевал — утёнок.

Гуси громко гоготали:

— Го-го-го... Пусть уходит, нам такой не нужен!

— И уйду! — фыркнул Мойпапакоршуназаклевал. — Мне и само-
му здесь надоело!

Тут на птичий двор заглянула Хозяйка, привлечённая гвалтом,
и всплеснула руками:

— Опять из-за этого утёнка нет порядка среди птиц. Отнесу-ка его соседке, она как раз говорила, что ей утёнок нужен.

Хозяйка подхватила Мойпапакоршуназаклевал на руки. И он сверху глянул на птичий двор и крикнул:

— Видите, где я? Видите, как высоко сижу? Вас так никто не поднимет! Мой папа коршуна заклевал!

— Го-го-го, кто знает, что будет,— загоготали осторожные гуси. И даже Гусыня, только что гнавшая прочь утёнка, и та пожалела его — не чужой всё-таки, на глазах рос,— и загоготала:

— Просись назад, пока не поздно, просись назад! Го-го-го!

— Чтобы слушать твой ужасный гогот? — насмешливо отозвался сверху Мойпапакоршуназаклевал.— Лучше среди людей погибнуть, чем меж такой родни жить!

— Куд-куда? Не надо никуда! — волновались куры.

— Без дома пропадёшь! — печалились старые индюки.

Но Мойпапакоршуназаклевал по-прежнему не слушал их и обрадовался, когда Хозяйка вместе с ним ушла из птичьего двора. Он даже на прощание не оглянулся.

Мойпапакоршуназаклевал отправился в великое путешествие за четыре дома от своего двора. Он, случалось, добирался до этого двора с другими утятами. Но идти своими лапами по своим утиным делам — одно. Когда тебя несут под мышкой выше трав, выше луж, даже выше грозных свиней — другое. Это путе-шест-вие! «Не каждого утёнка так понесут,— рассуждал дорóгой утёнок.— На руках носят только самого уважаемого утёнка, того, чей папа коршуна заклевал!»

Хозяйка отдала утёнка соседке. Соседка долго благодарила Хозяйку, а Мойпапакоршуназаклевал пыжился от удовольствия. «Не за всякого утёнка так будут благодарить!— думал он.— А за такого, чей папа...»

Но тут Хозяйка попрощалась с соседкой, та с утёнком на руках вышла проводить гостью до ворот, а когда возвращалась назад, небрежно кинула утёнка Мойпапакоршуназаклевал через ограду на свой птичий двор. Она не слишком церемонилась со своими птицами.

— Поосторожнее, уважаемая,— закричал утёнок.— Я тебе не утёнок без роду-племени, мой папа...

Только новая хозяйка была уже далеко, а сам утёнок шлёпнулся посреди птичьего двора. Он тотчас вскочил на ноги, растопырил крылышки и завопил:

— Мой папа коршуна заклевал! А я к вам назначен главарём птичьего двора!

— Но здесь я — главарь, — удивлённо сказал старый Гусак.— Ничего не понимаю.

— А что тут понимать! — насмешливо закричал Мойпапакорщуназаклевал.— Твой папа коршуна заклевал?

— Не-т,— растерялся Гусак.— Не приходилось.

— А мой папа заклевал! Поэтому я главарь, а не ты!

— Но меня весь птичий двор просил стать главарём,— сказал Гусак.

— Тебя просили, а я — по приказу!

Птичий двор растерялся. Раньше ему не доводилось встречать такого нахального утёнка, и птичий двор не знал как быть. Гусак не первый год был главарём, да и тот, надо признать, растерялся.

А Мойпапакоршуназаклевал продолжал командовать:

— Приказываю всем уткам спрашивать у меня разрешение, прежде чем снести яичко!

— А если нечаянно получится? — спросила одна молоденькая Утка и смущённо спряталась за спиной Селезня.

— Никаких нечаянно!

— Мы не можем не нести яйца,— осмелилась возразить другая утка. Хозяйка нас за это хвалит.

— Хозяйка тут ни при чём! — строго остановил её утёнок.— Чей папа коршуна заклевал? Её или мой?

— Твой,— дружно закрякали утки, и некоторые гуси тоже поддерживали их.

Но вдруг маленький цыплёнок, совсем-совсем маленький, пискнул:

— Его папа коршуна заклевал, а он тут при чём, мама?

— Тише, ти-ше, куда-кудах,— испугалась курица.

Но слова цыплёнка все уже услышали. Старая подслеповатая Гусыня подошла поближе к утёнку, вгляделась и загоготала:

— Да это же хвастунишка с соседнего двора, это ведь всего-навсего Мойпапакоршуназаклевал! Го-го-го...

— Го-го-го... — подхватили гуси.

— Кря-кря-кря,— подумав, закрякали и утки.

Следом и индюки, и куры разглядели, что перед ними всего лишь драчун и хвастун Мойпапакоршуназаклевал, над чьим нахальством и невоспитанностью потешались на всех соседних дворах и втихомолку осуждали птичий двор, где так плохо воспитали утёнка Мойпапакоршуназаклевал.

— Мы тебя воспитаем! — пообещал главарь Гусак, сердито наступая на утёнка.

— Не воспитаете! — дерзко крикнул Мойпапакоршуназаклевал, но сделал шаг назад.

— Воспитаем! — загоготал Гусак, вытянув шею и грозно шипя.

В поддержку Гусака торжествующе гоготали гуси. Утки вежливым кряканьем поддерживали их. Куры кудахтали. И хотя Мойпапакоршуназаклевал привык к тому, что из-за него часто поднимался шум на птичьем дворе, сейчас ему стало страшно. Двор-то был чужой.

Он опять попятился...

— Воспитаем! — грозно шипел Гусак.

— Воспитаете, — признал утёнок, отступая к самой ограде.

Тут Гусак отвернулся от него и занялся своими делами. Другие взрослые птицы тоже больше не обращали внимания на утёнка. Только цыплята бегали вокруг и пищали:

— Пи-пи-пи, его папа коршуна заклевал, пи-пи-пи, а сам он зерна клевать и то не умеет, пи-пи-пи...

— Умею, — буркнул Мойпапакоршуназаклевал.

Но цыплята не слушали его.

Утёнку стало очень грустно. Он сейчас готов был выслушать даже старого Индюка с родного птичьего двора. Он охотно покрякал бы даже с Заморышем. А появись здесь кто-нибудь из горластых утят, что всегда бегали за ним и крякали: «Его папа коршуна заклевал!» — какая была бы радость! Но куда легче расстаться со своим двором, чем назад вернуться. Вот почему утёнок Мойпапакоршуназаклевал сидел у ограды чужого двора один-одинёшенек и грустил.

ЕЖ-ХИТРЕЦ И ЛЕСНЫЕ ЗВЕРИ ДА ПТИЦЫ

Пришёл откуда-то Ёж-Хитрец, устроился на пенёчке на опушке леса и стал торговать всякой всячиной. Весть о том разнеслась по всему лесу, и лесные ежи пришли поглядеть на странного своего сородича — они-то торговать не умели, — чем он торгует, зачем торгует и почём отдаёт. Оказалось, Ёж-Хитрец торгует всем, чем захочет, отдаёт свой товар за дружбу, за уважение к нему и его ежиному семейству. Только ежам, своим сородичам, он ничего не согласился продавать. Он с ними не хотел дружить.

— Захочу — с любым ежом и так подружусь! — сказал Ёж-Хитрец. — А вот с Медведем — другое дело!

Обиделись ежи, ушли от Ежа-Хитреца и объявили всему лесу: просьба Ежа-Хитреца за ежа не считать!

Но Ежу-Хитрецу что за дело! Сидит себе на пенёчке и, кроме ежей, всем, кто налево идёт, и всем, кто направо бежит, и всем, кто прямо шагает, и всем, кто назад пятится, товар свой предлагает.

А цена известная: дружба и уважение. Зверям даже обидно стало: гоняешься целый день за добычей и неизвестно, поймаешь или не поймаешь. А Ёж-Хитрец ту же добычу задаром, можно сказать, отдаёт. Выходит, звери целый день даром рыскают по лесу.

Собрались звери, собрались птицы и порешили усовестить Ежа-Хитреца. Пусть сворачивается сам и свою торговлю сворачивает. Тогда никому обидно не будет.

Первой к Ежу заявила Цапля. Она ведь длинноногая, раз-два — и из своего болота напрямик к пенёчку Ежа прошествовала.

— Как я рад, что такая умная, такая красивая Цапля пришла ко мне в гости! — закричал Ёж, завидев Цаплю.

— Здравствуй, я вообще-то по делу, — пробормотала Цапля.

Ей стало неудобно, что пришла ругать Ежа, а он так обрадовался ей, даже на пенёчке подскочил.

— Сначала, прошу, отведай лягушек, — попросил Ёж. — Достал я их только для самой умной и самой красивой цапли. Это особенные лягушки.

— Я не завтракать, я — по делу, — нерешительно отнекивалась Цапля, хотя всё время и косилась на лягушек.

— Не отпущу, пока не попробуешь моих замечательных лягушек, — настаивал Ёж. — Эти лягушки — особенные, лягушки-мечтательницы. Они мечтают быть проглоченными самой умной и самой красивой цаплей.

При этих словах Ежа Цапле показалось, что лягушки в самом деле просятся в клюв. А так как сроду она не встречала таких лягушек, которые сами прыгали бы в рот, а не ныряли бы поглубже в болото, завидев длинноногую птицу, то ничего удивительного, что Цапля не выдержала и ухватила одну-единственную лягушку поперёк туловища. А потом так получилось, что за первой лягушкой последовала вторая, а третья вроде сама прыгнула в рот...

Наевшись, Цапля не могла не почувствовать благодарности к угостившему её Ежу. Ей захотелось подружиться с ним. Потому она тепло попрощалась с Ежом. Ёж звал ещё в гости и просил при случае — ну, конечно, только при случае — достать для Ежихи камыш. Ежиха надумала камышом пол в ежином доме устилать. Камыш

ведь на болоте растёт. А болота — это владения Цапли. Она же друг Ежу, не враг...

Цапля обещала в следующий раз, когда соберётся в гости к Ежу захватить целую охапку камыша.

Она вернулась на болото, а на опушке появился Медведь и без околичностей заревел на весь лес:

— Живо сворачивай свою торговлю!

— Уважаемый Старший Друг мой! Раз не хочешь — не буду. Разве стану перечить уважаемому Старшему Другу? Только не сердись. Хорошее настроение Старшего Друга для меня дороже собственной головы! Посиди, уважаемый Старший Друг, отдохни...

— То-то! Не своевольничай! — проревел для острастки Медведь и пыхтя уселся.

Как только он уселся, Ёж — к нему, стал просительно заглядывать в глаза.

— Ну, чего тебе? — проворчал Медведь.

— Только совета прошу, уважаемый Старший Друг!

— Какого совета?

— Есть у меня мёд. Да я не могу понять, хороший он или плохой. А Старший Друг — большой знаток мёда. Не правда ли?

— Разбираюсь! — сказал Медведь. — Это верно!

Ежу этого и надо было. Он и скормил Медведю огромную бочку мёда.

— Мёд хорош, — заключил Медведь.

— Мне ваш совет дороже всего на свете! — сказал Ёж и полу-свернулся от смущения.

Застенчивость Ежа пришлась по душе Медведю. Расстались они друзьями. Медведь даже пообещал своротить старый дуб над оврагом. Тот овраг преграждал Ежу дорогу, когда он отправлялся по своим ежиным делам.

Медведь ушёл доволен, похлопывая себя по полному брюху. Затем меж деревьями замелькал рыжий хвост — и из лесу выскочила Лиса.

— Кто у нас вид на опушечку портит? Кто тарой её захламляет? Кто всякой всячиной торгует?

— Дорогая Лисанька, а я только собрался идти к тебе! Вот мешочек собрал для тебя, да гости были, задержался.

— А что в мешочке? — спросила Лиса.

— Курочка!

— Да кто же курочек в мешке держит? Бедняжечка, она там задохнётся!

Лиса живо схватила мешочек, развязала, вытащила отчаянно закудахтавшую курицу и облизнулась.

— Я подумал, Лисанька, может, тебе приятно будет поесть курятинки, — скромненько, потупя глаза, проговорил Ёж. — А вот перья моим ежатам пригодились бы, чтобы подушечки набить. Бедняжки на прошлогодних листьях спят. Жаль, дети ведь.

— Будут у меня курочки — найдутся и перинки для ежат! — весело пообещала Лиса и, довольная, утащила курочку.

Много зверей побывало в тот день на опушке. Все приходили пристыдить Ежа, а уходили его друзьями. Со всеми мог поладить

Ёж-Хитрец. Только вот с птицами, если не считать Цапли, у которой такие длинные ноги и такая маленькая голова, ничего у него не получалось. Уж как сердился Ёж, что птицы летают. Он считал: в полёте из голов птиц выветривается всё, что он успеваешь втолковать им на земле. Вот если бы запретить птицам летать! Но запретить не удавалось, хотя Ёж не терял надежды стовориться с царём птиц Орлом, чтобы тот издал закон, запрещающий летать.

Птицы враждовали с Ёжом. Даже легкомысленная кукушка и та куковала:

— До чего ужасный Ёж завёлся у нас на опушке! Ежи его ежом не признают, он ничейный, он дурной пример нашим деткам подает!

— А кто свои яйца в чужие гнёзда подбрасывает? — огрызнулся Ёж. — Кто о своих птенцах не заботится? Ты или я? У моих ежат есть всё: и перинки, и самые лучшие лакомства, даже из соседних лесов, и самые красивые игрушки, и самые лучшие колючки!

Кукушка — нечего возразить, и правда, яйца в чужие гнёзда подбрасывает! — пристыженно смолкла.

Но тут же начинала Сорока тарыхтеть:

— Ёжик-Ножик! Хитрун-Вертун! Колючка-Дремучка!

Да только Ёж и вовсе внимания на Сороку не обращал. Знал: к Сороке никто прислушиваться не станет, болтунья ведь известная.

И пошли в лесу дела — хуже некуда. Цапля-предательница разучилась хватать лягушек, так как с утра до вечера возилась с камышом, — поставляла ковры Ёжихе.

Лиса теперь на охоту не бегала — ощиывала кур, что в мешке от Ежа ей доставляли, и набивала наволочки, чтобы ежатам мягче спалось. Медведь целыми днями храпел в кустах и не следил, как прежде, за порядком в лесу. А когда просыпался, находил возле себя полный горшок мёда и был очень доволен. Пятнистому Кабану было поручено рыть кротовьи норки, а крот был отправлен Ёжом в амбар — собирать зёрна для Хомяка. Хомяк в это время удил рыбу на реке. Известный же рыболов Выдрёнок учил ежат сворачиваться. Ежата и сами прекрасно умели это делать. Но Ёж и Ёжиха считали: почётно, когда воспитанием детей занимается не мама с папой, а кто-нибудь другой.

Теперь в лесу никто не занимался тем, что умел делать, все хватились за дело, которое было им не под силу. Ежу-Хитрецу этого и надо было. Чем бестолковее вели себя звери, тем чаще Ёж-Хитрец покрикивал на них и вынуждал себе служить. Они молча сносили брань, понимали ведь: не умеешь ничего толком делать, так помалкивай. Вот и помалкивали. День, два, месяц, другой. А там и вовсе разучились визжать, рычать, а главное — добывать себе корм. Тогда совсем им житья не стало от Ежа. Они втихомолку, случилось, бранили его, но громко никто из зверей не осмеливался ругаться с ним, разве что Медведь, так ведь он всё время спал. Одни птицы не хотели сдаваться. И вот маленький Воробушек вызвался слетать в Африку — позвать на подмогу грозу ежей — Ягуара. Уж Ягуар положил бы конец проделкам Ежа! Да вот беда — путь в Африку далёк и опасен, не в привычках Воробья далеко от дома летать.

— Но раз надо, полечу! — сказал Воробей. — Ради нашего леса!

И полетел. Сто раз попадал в грозы Воробей, столько же раз в песчаные бури, четыреста шестьдесят семь раз едва не утонул, двести двадцать три раза чудом избежал ястребиных когтей — и добрался-таки наконец в далёкую Африку. А уж в Африке ему ничего не стоило найти Ягуара. Найти-то ничего не стоило, а вот уговорить его отправиться в далёкий путь оказалось нелегко. Но и тут не отступил Воробушек. Уговорил. И вернулся Воробушек в свой родной лес с Ягуаром.

— О Ягуар, о уважаемый, о гость из далёкой стороны, о долгожданный! — закричал Ёж, завидев Ягуара.

Но Ягуара это не остановило. Он молча подошёл к пенёчку, схватил Ежа за нос и поднял.

— Больше не буду! — закричал Ёж что есть мочи. — Никогда не буду!

Ягуар держал Ежа на весу до тех пор, пока не сбежались на опушку все звери. А когда они сбежались, Ёж при всех дал честное слово, что уберётся из этого леса и в другом лесу будет вести себя смиренно и по-доброму, как все остальные ежи. И только тогда Ягуар отпустил его. И Ёж во весь дух умчался прочь, топая ногами и что-то гундосся.

— И как вам не стыдно из-за пустяков меня из самой Африки вызывать! — покачал головой Ягуар. — Сами могли бы справиться. Не маленькие!

Потом он махнул лапой, повернулся и отправился в Африку. Пешком. А до Африки так далеко! Птицы полетели следом, чтобы проводить хоть немного Ягуара — грозу ежей.

— Всё-таки один только Ёж знал, где взять лягушек-мечтательниц, — глядя им вслед, грустно сказала Цапля.

— С ежа, конечно, толку никакого — одни колючки, но до чего у него курочки были вкусные, — загрустила Лиса.

— А горшок с мёдом где? — рявкнул Медведь, озираясь. — Вставай теперь, иди сражаться с пчёлами. И кто этого Ягуара звал сюда?

— Мы позвали, мы позвали, — радостно запели птицы. — И правильно поступили, совершенно правильно!

— Откуда вам знать, что на земле правильно, — буркнул Медведь, встал, потянулся и впервые за столько времени пошёл прогуляться по лесу. Говорят, прогулка пришлась ему по душе.

Теперь звери заново учатся заниматься каждый своим делом. И, как сообщила знакомая Сойка, Цапле уже удалось самостоятельно изловить неопытного лягушонка. А Воробушка, летавшего в Африку за Ягуаром, Орёл от имени всех птиц наградил медалью «За спасённый лес». И Медведь, говорят, подумывает наградить его от имени всех зверей мешком самых вкусных зёрнышек. Но это только говорят. Воробушек же пока сам летает в поисках зёрнышек и весело чирикает. Он считает — самое вкусное зёрнышко то, что ты сам нашёл.

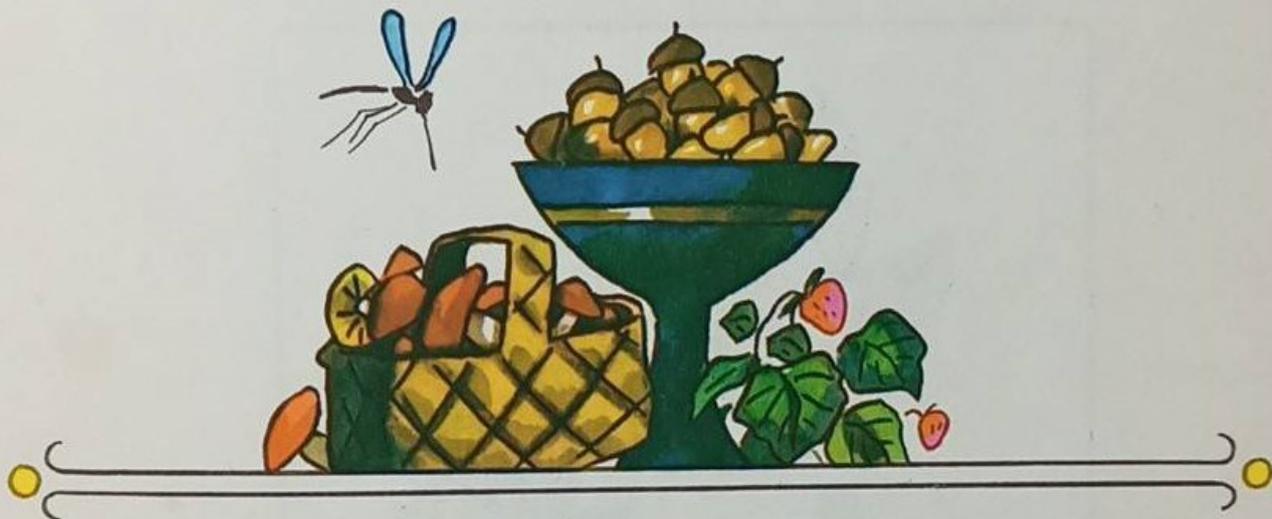

СОДЕРЖАНИЕ

ДЫДЫН И МЫДЫН 3

ДРАЧУН 16

ЕЖ-ХИТРЕЦ
И ЛЕСНЫЕ ЗВЕРИ ДА ПТИЦЫ 23

Литературно-художественное издание

Басария Этери Фёдоровна

ДЫДЫН И МЫДЫН

С к а з к и

Для младшего школьного возраста

Рисунки

Боковни Виктора Ивановича

Редактор В. И. Кличак

Художественный редактор Д. П. Присяжнюк

Технический редактор С. И. Павлюк

Корректор И. Е. Павлоцкая

ИБ № 4459

Сдано на производство 08.09.87. Подписано к печати 14.03.88.

Формат 70×90/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,34. Усл. кр.-отт. 10,53. Учет.-изд. л. 2,40.

Тираж 65 000 экз. Заказ 7—1518. Цена 20 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Веселка»,
252655, Киев, ГСП, Мельникова, 63.

Киевская фабрика печатной рекламы им. XXVI съезда КПСС.
252067, Киев-67, Выборгская, 84.

